

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 26

Идеальное лицо

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Идеальное лицо

«Автор»

2026

Карадениз М.

Идеальное лицо / М. Карадениз — «Автор», 2026

Он получает заказ на портрет незнакомой девушки. Анонимный клиент платит вперёд и просит только об одном: «Сделай её идеальной». Художник принимает работу, не подозревая, что его кисть рисует лицо, которого уже нет в живых. Когда в городе находят тело с обезображенным лицом, он понимает: его заказчик — убийца. Но тот, кто прислал фотографию, не просто наблюдает за расследованием — он управляет им. Художник сам становится частью пазла, где каждая улика ведёт к следующей жертве, а правда прячется за портретами, которые он создавал, не зная их страшной цены. Чем ближе герой к разгадке, тем яснее одно: он рисует не просто лица. Он рисует смерть. И следующей может стать его собственная семья. «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ПОРТРЕТ ПО ПАМЯТИ	8
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Идеальное лицо

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Время: 15 августа 2009 года, 22:47

Место: Киров, переулок Революционный

Августовский воздух пах пылью и сухой травой. Екатерина шла по переулку, сжимая в руке ключи от общежития. Металл охлаждал пальцы. Она возвращалась с дня рождения подруги — из дома на улице Комсомольской, где пили чай, смотрели старые фотографии, смеялись над тем, как глупо выглядели в школе. Сейчас было почти одиннадцать, и она спешила, чтобы успеть до того, как вахтёрша закроет дверь. Ей оставалось пройти метров двести. Переулок Революционный был тёмным — фонари здесь горели через один, и асфальт местами проваливался в ямы, залитые водой после утреннего дождя.

Она услышала шаги за спиной.

Сначала ей показалось, что это эхо её собственных шагов — каблуки стучали по асфальту ритмично, и она не придавала значения. Просто ускорила шаг. Но шаги не отставали. Они были тяжёлыми, медленными, уверенными. Каждый шаг — чёткий, словно кто-то шёл прямо за ней и дышал ей в затылок.

Екатерина обернулась. Никого.

Переулок был пуст. Серые стены старых гаражей, заросшие бурьяном, ржавые ворота, разбитое стекло на асфальте. Только ветер шевелил бумажки на земле.

Она выдохнула, перевела дыхание и пошла дальше. Быстрее. Почти побежала.

Шаги снова — они начались сразу, как только она отвернулась. Будто кто-то стоял на месте, а потом продолжил идти. Екатерина не стала оборачиваться второй раз. Она рванула вперёд, сжимая ключи так, что металл впился в ладонь. Она почти добежала до угла, за которым начиналась освещённая улица — там горел фонарь, там была остановка, там были люди.

Из-за угла вышел мужчина.

Она врезалась в него, отскочила, потеряла равновесие. Ключи выпали из руки и звякнули об асфальт. Она упала на колени, больно ударившись о землю. Мужчина не шелохнулся. Он стоял и смотрел на неё сверху вниз. Высокий, худой, в тёмном пальто, которое почти не отличалось от темноты переулка. На голове — шляпа с широкими полями. Лицо было скрыто тенью. Она видела только очертания — выступающий подбородок, тонкие губы, длинный нос. Но глаза — глаза она не видела. Только темнота под полями шляпы.

— Екатерина, — сказал он.

Голос был низким, спокойным, почти тёплым. Будто он знал её давно. Будто ждал её.

Она попыталась встать, но ноги не слушались. Она открыла рот, чтобы крикнуть, но он шагнул вперёд, и тень от его пальто накрыла её целиком.

— Ты идеальная, — сказал он. — Я тебя исправлю.

Она увидела его руку — длинные, тонкие пальцы в кожаной перчатке. Он наклонился к ней, и она почувствовала запах — химический, сладковатый, резкий. Ткань коснулась её лица. Она рванулась, закричала, но звук вырвался коротким, сдавленным хрипом. Вкус металла во рту. Перед глазами всё поплыло. Она чувствовала, как он прижимает ткань к её лицу, как мир начинает таять, растворяться, как звуки становятся далёкими, как тело перестаёт слушаться.

Она падала. Или уже упала. Твёрдый асфальт под спиной. Холодный, жёсткий. Она не могла пошевелиться. Глаза открыты, но она видела только тени. Тёмный силуэт наклонился над ней. Она слышала его дыхание — ровное, спокойное.

— Не бойся, — сказал он. — Ты станешь прекрасной.

Она хотела сказать что-то, но язык не двигался. Она хотела закричать, но горло не слушалось. Её рука лежала на асфальте, безвольная. Но пальцы — пальцы ещё двигались. Они

нащупали край его пальто. Она зацепилась за карман, что-то мягкое, кожаное. С трудом, медленно, словно вязла в смоле, она просунула пальцы внутрь. Нашупала что-то маленькое, твёрдое, металлическое. Сжала. С трудом вытащила. Спрятала в кулак.

Он не заметил.

Он наклонился ниже, и она увидела лезвие ножа. Металл блеснул в тусклом свете уличного фонаря. Она чувствовала холод металла на своей щеке. Лёгкое прикосновение. Он гладил её по лицу лезвием, словно художник, выбирающий место для первого мазка.

— Ты такая красивая, — сказал он. — Но не идеальная. Я исправлю это.

Она чувствовала, как лезвие входит в кожу. Не боль. Только холод. И резкий запах железа. Она сжала металлический предмет в кулаке так сильно, что он впился в ладонь. Она думала: «Я видела его глаза». Но она не видела их. Только тень. Только темноту под шляпой. Она пыталась запомнить его лицо — ночь стирала его, размывала черты, оставляла только очертания. Высокий лоб. Длинный нос. Тонкие губы. Шрам на левой щеке — или ей показалось? Она не была уверена.

Лезвие двигалось по её лицу медленно, аккуратно. Она не чувствовала боли. Только холод. И темнота. Она сжимала металл в кулаке и думала: «Я знаю, кто ты». Но она не знала. Она ничего не знала. Только то, что он назвал её по имени. Он знал её. Он ждал её.

Сознание ускользало. Она пыталась удержаться, но мир таял. Последнее, что она увидела — его рука в перчатке, лезвие, блестящее в темноте. И его голос:

— Теперь ты идеальная.

Она сжала металл в кулаке — последнее движение, последняя мысль: «Я видела его глаза».

Но она не видела. Ничего, кроме темноты. И звука — тихого, почти невесомого — звука, с которым лезвие покидает её лицо. Она не знала, сколько времени прошло. Может быть, секунды. Может быть, минуты.

Она чувствовала, как он поднимается, как поправляет пальто, как убирает нож в сумку. Она слышала его шаги — тяжёлые, медленные, удаляющиеся. Они затихали, растворялись в ночи. Она осталась одна, на холодном асфальте, в темноте, с металлом в кулаке и с лицом, которого больше не было.

Она хотела открыть глаза, но веки не слушались. Она хотела кричать, но голос исчез. Она только сжимала то, что украла у него — маленький металлический предмет, который она не могла рассмотреть. Она не знала, что это. Ключ? Брелок? Медальон? Нечто, что она сжала так сильно, что он оставил след на её ладони. Но она держала его.

Последняя мысль была о том, что она не видела его лица. Только тень. Но она запомнила его голос. Запомнила запах — химический, сладковатый, резкий. Запомнила пальцы в перчатках, длинные и тонкие. Запомнила лезвие, холодное и острое.

Она не умерла сразу. Она лежала и слушала, как в её голове пульсирует тишина. Она чувствовала, как воздух холодит её лицо. Она чувствовала, как кровь стекает по щеке на асфальт. Она сжимала металл и думала: «Я видела его глаза».

Но она не видела.

Только тень.

И звук шагов, которые уходили всё дальше, в темноту переулка.

ЧАСТЬ 1. ПОРТРЕТ ПО ПАМЯТИ

ГЛАВА 1

Время: 10 сентября 2025 года, 18:23

Место: Киров, улица Ленина, дом 17, мастерская Кирилла Баранова

Дождь барабанил по жестяному козырьку над входом. Кирилл стоял у мольберта, держа в руке тонкую кисть, и доводил до ума последний штрих — тень под скулой старика на портрете, который он реставрировал для краеведческого музея. Заказ был срочным: через неделю открывалась выставка, и портрет купца Салтыкова должен был висеть в центре зала. Оригинал, написанный в 1893 году, пострадал от времени — краска осыпалась, холст потрескался, лицо почти исчезло. Кирилл восстановил его по старым фотографиям, но главное — он чувствовал, как должен выглядеть этот человек. Он работал с лицами пятнадцать лет, и его рука знала, где провести линию, чтобы кость под кожей казалась настоящей.

Мастерская была небольшой, но уютной. Стены увешаны эскизами, фотографиями, готовыми работами. В углу стоял старый диван, на котором он иногда ночевал, когда работа затягивалась. На столе — банки с кистями, тубики с краской, лупа, стопка старых фотографий. Запах скипидара и льняного масла смешивался с запахом дождя, который проникал через неплотно закрытую форточку. Кирилл любил этот запах. Он напоминал ему о том, что он выбрал правильную жизнь.

Пять лет назад он уволился из бюро судмедэкспертизы, где делал реконструкции лиц по черепам. Он видел слишком много смерти. Слишком много лиц, которые нельзя было опознать. Он устал собирать людей по кусочкам. Теперь он собирал их по фотографиям — возвращал им жизнь, а не констатировал смерть. Это было лучше. Чище.

Он отложил кисть, отступил на шаг, прищурился. Портрет был готов. Купец Салтыков смотрел с холста строго, но с лёгкой улыбкой в уголках губ. Кирилл кивнул сам себе. Хорошо.

За окном хлестнул ветер, и дождь усилился. Стекла заливало водой, и улица расплывалась в серых разводах. Кирилл посмотрел на часы — почти половина седьмого. Он хотел закрыть мастерскую и пойти домой, в свою двухкомнатную квартиру на втором этаже этого же дома, но вдруг услышал стук. Громкий, настойчивый, требовательный.

Он повернулся к двери. Стук повторился.

— Открыто, — сказал Кирилл, вытирая руки о тряпку.

Дверь приоткрылась, и в мастерскую шагнул парень в синей униформе курьерской службы. Он был мокрый с головы до ног — волосы слиплись, куртка блестела от воды, на полу сразу образовалась лужа. Парень держал в руках большой жёлтый конверт.

— Кирилл Андреевич Баранов? — спросил он, чуть запыхавшись. — Вам доставка.

Кирилл взял конверт. Тот был тяжёлым, плотным, без обратного адреса. Только его имя и адрес, напечатанные на наклейке.

— От кого? — спросил Кирилл.

— Не знаю, — пожал плечами курьер. — Заказ анонимный. Оплачено наличными. Я только передаю.

Кирилл хотел спросить что-то ещё, но парень уже развернулся и вышел, захлопнув за собой дверь. Через секунду за окном мелькнула его фигура — он бежал к велосипеду, припаркованному у подъезда.

Кирилл повертел конверт в руках. Он был заклеен аккуратно, без помарок. Он открыл его, разорвав край. Внутри лежала пачка денег — новые купюры, по пять тысяч, перетянутые

банковской резинкой. Кирилл пересчитал: двадцать штук. Сто тысяч рублей. И под ними — фотография.

Он вытащил её и замер.

Чёрно-белый снимок, старый, с желтоватым оттенком. На нём была девушка. Молодая, лет восемнадцати-двадцати, с тёмными волосами, собранными в пучок, и внимательными, чуть прищуренными глазами. Она смотрела прямо в камеру, и в её взгляде было что-то твёрдое, почти вызывающее. Она не улыбалась. Губы сжаты, подбородок чуть вздёрнут. Красивая. Но не идеальная. Кирилл видел асимметрию — левый глаз чуть выше правого, левая бровь более изогнута. Он заметил это сразу — его глаз был натренирован на деталях.

Он перевернул фото. На обороте — размашистый, но чёткий почерк, выведенный шариковой ручкой:

«Сделай её идеальной. Без ограничений. Деньги вперёд.»

Без подписи. Без даты.

Кирилл снова посмотрел на лицо девушки. Что-то в нём казалось знакомым. Он не мог понять что, но его память цеплялась за какую-то деталь, которую он не мог ухватить. Может быть, он видел это лицо в новостях? Может быть, она приходила к нему на заказ раньше? Нет. Он бы запомнил. Такие лица не забываются.

Он положил фото на стол рядом с портретом купца. Деньги убрал в сейф под столом — он не любил держать наличные на виду. Потом сел на стул, взял карандаш и начал делать набросок. Он не знал, кто эта девушка, и не знал, кто заказал портрет. Но заказ был оплачен, и Кирилл привык не задавать лишних вопросов. Он был художником, а не детективом.

Он начал с глаз. Они были самыми сложными — тёмные, глубокие, с тонкой сеткой прожилок, которые можно было разглядеть только при увеличении. Кирилл работал быстро, уверенно, но с каждой минутой ему становилось всё тревожнее. Что-то в этом лице не давало ему покоя. Он отложил карандаш, подошёл к окну и выглянул на улицу.

Дождь лил как из ведра. Улица Ленина была пуста — только редкие машины проезжали по мокрому асфальту, разбрызгивая грязь. Фонари горели тусклым жёлтым светом, отражаясь в лужах. Кирилл уже хотел отвернуться, когда заметил на противоположной стороне улицы фигуру.

Человек стоял под деревом, у самого забора старого дома, и смотрел на его окно. Он был высокий, худой, в длинном тёмном пальто. С головы почти не видно — капюшон или шляпа. Кирилл не мог разглядеть лица. Только очертания. Фигура стояла неподвижно, даже не шевелясь под дождём.

Кирилл нахмурился. Он смотрел на неё несколько секунд, а потом фигура развернулась и медленно пошла вниз по улице, скрывшись за поворотом. Всё. Исчезла.

Кирилл покачал головой. Наверное, просто прохожий. Или кто-то из соседей. Он не придал этому значения, хотя внутри зашевелился холодок — тот самый, который он чувствовал в морге, когда находил нестыковку в деле. Профессиональное чутьё, которое он так и не смог заглушить.

Он вернулся к столу, взял в руки фотографию девушки. Посмотрел на неё под лупой. Никаких пометок, никаких следов. Просто старая чёрно-белая карточка, пожелтевшая по краям. Он провёл пальцем по её лицу, как делал всегда, пытаясь понять характер человека по чертам. Она была решительной. Упрямой. Не из тех, кто сдаётся.

Кирилл взял карандаш и снова начал рисовать, но в голове всё время стояла фигура под дождём. Тёмное пальто. Неподвижность. Взгляд, направленный на его окно.

— Не думай об этом, — сказал он вслух. — Это просто заказ.

Он включил настольную лампу, отодвинул портрет купца в сторону и сосредоточился на новом листе бумаги. Он работал до самого вечера, пока дождь за окном не стих и в мастерской

не стало совсем темно. Он рисовал лицо девушки, стараясь уловить её характер, её историю, её душу. Он не знал, кто она, но чувствовал, что она заслуживает, чтобы её лицо было идеальным.

Он и не заметил, как за его спиной, в темноте за окном, снова появилась фигура. Она стояла на том же месте, под тем же деревом, и смотрела на его окно. Дождь уже закончился, и лужи на асфальте отражали жёлтый свет фонарей. Человек в пальто стоял неподвижно, сложив руки за спиной. Он смотрел на свет в мастерской и улыбался. Кирилл не видел его. Он рисовал.

Только когда он поднял глаза, чтобы посмотреть на фотографию, он заметил движение за окном. Но фигура уже исчезла, слившись с темнотой улицы.

Кирилл нахмурился. Он подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу. Никого. Только мокрый асфальт, пустая улица и далёкие огни города.

Он повернулся к столу, взял фотографию и посмотрел на неё ещё раз. И вдруг понял, что ему кажется знакомым. Глаза. Не её глаза. А взгляд. Тот самый взгляд, который он видел в зеркале, когда возвращался из морга после тяжёлой смены. Пустой, но внимательный. Смотрящий сквозь тебя.

Он отложил фото. Что-то было не так. Но он не знал что.

Он сел за стол, взял карандаш и продолжил рисовать. Лицо на бумаге приобретало черты, становилось живым, почти дышало. Кирилл работал до полуночи, пока не закончил набросок. Он посмотрел на результат — глаза девушки смотрели на него с бумаги, тёмные, глубокие, не мигающие.

— Кто ты? — спросил он шёпотом.

Но ответа не было. Только шум дождя за окном, который начался снова, и тень, которая мелькнула за стеклом и исчезла во тьме.

ГЛАВА 2

Время: 11 сентября 2025 года, 09:15

Место: Киров, улица Ленина, дом 17, мастерская Кирилла Баранова

Кирилл проснулся в пятом часу утра, хотя лёг только за полночь. Он лежал на диване в мастерской, не раздеваясь, и смотрел на потолок, где лампа отбрасывала жёлтое пятно. Ему снилось лицо. Не девушки с фотографии — чужое лицо, которое он не мог вспомнить. Только ощущение: оно было неправильным, сломанным, и ему нужно было его исправить.

Он сел, потёр лицо ладонями. В мастерской пахло краской и сыростью — за ночь дождь просочился через старую оконную раму, и на подоконнике образовалась лужа. Кирилл встал, вытер воду тряпкой, открыл окно. Утро было серым, тяжёлым, без солнца. Город прятался в низкой облачности.

Он подошёл к столу и взял фотографию девушки. Он смотрел на неё уже пятнадцать минут, пытаясь понять, что его тревожит. Он знал лица. Он работал с ними пятнадцать лет — сначала в морге, потом в мастерской. Он мог определить по скулам возраст человека, по челюсти — пол, по надбровным дугам — даже привычки. Пять лет работы с черепами научили его видеть то, что другие не замечают. Кости не врут. Кости хранят правду.

И сейчас его глаз цеплялся за одну деталь, которую он не мог игнорировать.

Левая сторона лица девушки на фото была чуть асимметрична.

Он поднёс лупу к снимку. Левый глаз был выше правого на пару миллиметров. Левая бровь — чуть более изогнута. Левая скула — выступала немного сильнее. В обычной жизни никто бы не заметил. Но Кирилл замечал. Он работал с симметрией каждый день, и любое отклонение резало глаз.

Он взял карандаш и попытался исправить асимметрию на эскизе. Сделал левый глаз чуть ниже, скулу мягче, бровь прямее. Но что-то было не так. Лицо на бумаге становилось правильным, но теряло что-то важное. Живое. Кирилл убрал исправления и снова посмотрел на фото. Он начал заново, с чистого листа, но опять остановился на той же детали. Асимметрия была не ошибкой фотографа и не дефектом печати. Это была часть лица. И Кирилл чувствовал, что это важно.

Он провёл пальцем по левой стороне лица на фото, словно пытаясь нащупать что-то под бумагой. Кость. Под кожей была кость, и она была сломана. Или смещена. Или он просто выдумывал.

Он отложил карандаш. Ему нужно было отвлечься.

Кирилл подошёл к маленькому телевизору в углу мастерской. Он редко его включал, но сейчас, когда дождь и тишина давили на плечи, ему захотелось услышать голоса. Он нажал кнопку, pokrutil каналы. Местные новости. Он уже хотел переключить, когда услышал слово «Киров».

Диктор сидел в студии, серьёзный, с зачёсанными назад волосами, и читал с экрана:

— Сегодня утром в Кирове при сносе старого гаража в переулке Революционном было найдено тело женщины. По предварительным данным, погибшая пропала без вести более пятнадцати лет назад. Личность устанавливается. На месте работают криминалисты и сотрудники полиции. По словам очевидцев, тело было обнаружено в бетонном основании гаража, который начали разбирать для строительства нового жилого комплекса.

Кирилл не дышал. Он смотрел на экран, где оператор переключился на репортаж с места событий. Камера показывала старый гараж — серый, обшарпанный, с ржавыми воротами. Вокруг стояли полицейские машины, люди в синих куртках, носилки, которые загружали в фургон. Дождь уже закончился, но асфальт был мокрым, и на нём отражались мигалки.

Журналист стоял с микрофоном перед забором и говорил:

— Тело было найдено в неглубоком бетонном основании гаража. Оно было залито цементом, но из-за старости конструкции бетон частично разрушился, что позволило обнаружить останки. Лицо погибшей, по словам криминалистов, серьёзно повреждено. Предположительно, это сделано намеренно, чтобы затруднить опознание. Сейчас эксперты работают над восстановлением облика.

Кирилл смотрел на экран и чувствовал, как в груди сжимается что-то холодное. Он знал этот гараж. Он знал этот переулок. Он проезжал мимо него сотни раз, когда жил на окраине города, ещё до того, как переехал в центр. Но сейчас его внимание было приковано к другому — к слову «гараж». И к слову «лицо».

Он перевёл взгляд на фотографию, лежащую на столе.

Девушка на ней смотрела на него тёмными глазами. Левая сторона её лица была чуть асимметричной. И Кирилл вдруг понял, что ему казалось знакомым.

Не лицо. Не взгляд. А деталь.

Он снова поднёс лупу к фотографии. Присмотрелся к левой скуле. Там, почти у самого уха, была едва заметная тень. Не тень от освещения — что-то другое. Он увеличил. Это была царапина. Старая, затянувшаяся, но видимая на чёрно-белом снимке. Шрам. Маленький шрам на левой скуле, почти у линии роста волос.

Кирилл застыл. Он вспомнил новости из 2009 года. Вспомнил, что тогда писали о пропавшей девушке — о том, что у неё на левой скуле был шрам, полученный в детстве, когда она упала с качелей. Это была примета, по которой её искали.

Он смотрел на фото. На девушку. На её шрам.

Она была той самой. Той, чьё тело нашли сегодня в старом гараже. Той, чьё лицо было повреждено. Той, которую он рисовал.

Кирилл медленно опустил лупу на стол. Пальцы дрожали. Он провёл ладонью по лицу, пытаясь унять дыхание. Это не могло быть совпадением. Кто-то заказал ему портрет девушки, чьё тело нашли через шестнадцать лет после её исчезновения. Кто-то дал ему сто тысяч рублей, чтобы он сделал её идеальной.

Он подошёл к окну. Улица была пуста. Дождь начинался снова, мелкий, противный, серый. Он смотрел на мокрый асфальт и пытался понять, что ему делать. Пойти в полицию. Сказать им, что у него есть фотография. Рассказать про заказ. Но что он скажет? Что он рисовал убитую девушку, не зная об этом? Что кто-то дал ему деньги и исчез?

Он повернулся к столу. Взял телефон. Набрал 112.

Но не нажал вызов.

Он стоял с телефоном в руке, смотрел на экран и чувствовал, как внутри нарастает холод. Если он позвонит, его будут допрашивать. Будут смотреть на него как на подозреваемого. Будут задавать вопросы, на которые у него нет ответов. Или они уже есть? Он не знал.

И вдруг он услышал стук.

Громкий, тяжёлый, требовательный. Не как у курьера. Другой — уверенный, настойчивый. Четыре удара, один за другим.

Кирилл замер. Телефон всё ещё был в руке. Он смотрел на дверь.

— Кирилл Андреевич? — голос за дверью был мужским, низким, с металлическими нотками. — Откройте. Полиция.

Кирилл не двигался. Он смотрел на дверь и чувствовал, как сердце бьётся где-то в горле. Он знал, что рано или поздно это произойдёт. Он знал, что они придут. Но он не был готов. Он опустил телефон на стол и сделал шаг к двери. Потом остановился, обернулся на фотографию. Девушка смотрела на него тёмными глазами, и в её взгляде было что-то, что он не мог расшифровать.

Он повернулся к двери и открыл.

ГЛАВА 3

Время: 11 сентября 2025 года, 09:52

Место: Киров, улица Ленина, дом 17, мастерская Кирилла Баранова

Кирилл открыл дверь и сразу понял, что ошибся. Это был не обычный опрос. Он работал с МВД пять лет, знал процедуры, знал, как стучат полицейские, когда хотят просто поговорить. Так стучали, когда пришли за ним.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти, в тёмном дождевике с капюшоном, с которого всё ещё капала вода. У неё было узкое, бледное лицо, острый подбородок и внимательные, почти колющие глаза. Она держала в руках удостоверение, раскрытое так, что Кирилл мог видеть фотографию и печать. Капитан Ирина Соболева, следственный отдел УМВД по Кировской области. За её плечом стояли двое оперативников — молодые парни в чёрных куртках, с непроницаемыми лицами. Один держал планшет, второй — папку с документами.

— Кирилл Андреевич Баранов? — спросила она голосом, не требующим ответа. — Мы проводим проверку по факту обнаружения тела. Ваше имя всплыло в связи с заказом на портрет погибшей.

Кирилл молчал. Он стоял в дверях, не приглашая их войти, и смотрел на неё в упор. Пять лет работы в МВД научили его одному: когда полиция приходит к тебе, не говори лишнего. Не оправдывайся. Не объясняй. Жди, пока они скажут, что им нужно. Всё, что ты скажешь, будет записано и использовано против тебя. Он знал это не понаслышке.

— Можно войти? — спросила она, и в её голосе не было вопроса. Это был приказ, облечённый в вежливую форму.

Кирилл отступил на шаг, пропуская её. Она вошла в мастерскую, и за ней — оперативники. Они оглядывались по сторонам, но не трогали вещи. Пока. Ирина прошла к столу, остановилась, осмотрела комнату. Её взгляд скользнул по эскизам на стенах, по банкам с кистями, по портрету купца Салтыкова, стоящему на мольберте. Она была профессионалом — Кирилл видел это по тому, как она держалась, как двигалась, как оценивала пространство. Она не торопилась. Она давала ему время нервничать.

— Мы получили информацию, — сказала она, поворачиваясь к нему, — что вы недавно получили заказ на портрет девушки, которая может быть нашей погибшей. Кто заказчик?

Кирилл стоял у двери, скрестив руки на груди. Он смотрел на неё и не отвечал. Он знал, что она ждёт. Она хотела, чтобы он заговорил, чтобы выдал себя. Но он молчал. Он видел, как оперативники обмениваются взглядами, как один из них достаёт планшет и начинает что-то записывать. Ирина ждала.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Заказ анонимный. Деньги наличными. Курьер принёс конверт и ушёл.

— Курьер? — переспросила она. — Вы знаете, из какой службы?

— Я не спрашивал.

— Он был в форме?

— Да, синяя униформа. Но без логотипа.

Ирина прищурилась. Она смотрела на него так, будто пыталась прочесть его мысли. Кирилл не отводил взгляд. Он привык смотреть людям в глаза, даже когда они были мёртвыми. Особенно когда они были мёртвыми. Живые были проще.

Она прошла к столу и взяла в руки фотографию девушки. Посмотрела на неё. Кирилл видел, как она побледнела, как её пальцы сжались, как она замерла, глядя на чёрно-белое лицо. Она медленно перевела взгляд на Кирилла.

— Это она, — сказала она. Голос её был ровным, но Кирилл видел, что внутри неё что-то дрожит. — Это Екатерина Соболева. Моя дальняя родственница.

Кирилл не знал, что сказать. Он смотрел на неё и видел боль, которую она пыталась скрыть. Боль, которая была слишком старой, чтобы быть свежей, но слишком сильной, чтобы забыть. Она держала фотографию так, будто это была реликвия, будто она держала в руках самого человека.

— Вы знали её? — спросил он тихо.

— Я знала, — ответила она, не глядя на него. — Она была дочерью моей тёти. Мы виделись редко, но я помню её. Она была красивой. И живой.

Она подняла взгляд на Кирилла.

— Кто это заказал? — спросила она почти шёпотом.

— Я не знаю, — повторил он. — Я говорю правду. Я не знаю, кто это был. Пришёл курьер, принёс конверт. Внутри — фото и деньги.

— Деньги?

— Сто тысяч. Наличными.

Ирина перевела взгляд на оперативников. Один из них записал что-то в планшете.

— Вы взяли деньги? — спросила она.

— Да, — сказал Кирилл. — Это был заказ. Я взял и начал работать.

Она снова посмотрела на фото. На девушку. На её лицо. Кирилл заметил, как её взгляд задержался на левой стороне лица — на той самой асимметрии, которую он заметил утром.

— Вы заметили, что у неё шрам на левой скуле? — спросила Ирина.

— Да, — ответил Кирилл. — Это было видно на фото.

— Он был у неё с детства. Она упала с качелей в парке, когда ей было десять. Мы все знали про этот шрам. Это была её примета.

Она повернулась к Кириллу и посмотрела ему в глаза. В её взгляде была смесь боли и подозрения.

— Вы знали, что она пропала в 2009 году?

— Нет, — сказал Кирилл. — Я не знал. Я вообще ничего о ней не знал. Я просто получил заказ и начал работать.

— И вы не заподозрили ничего странного? Анонимный заказ, сто тысяч наличными, старая фотография?

— Я художник, — ответил Кирилл. — Я работаю с тем, что мне приносят. Я не задаю вопросов.

Ирина молчала. Она смотрела на него, и Кирилл чувствовал, как её взгляд проникает под кожу. Он знал, что она не верит ему. Она была профессионалом, как и он, и она видела то, что он пытался скрыть. Но у него не было ничего, кроме правды. И правда звучала неправдоподобно.

— Мне нужно забрать это фото, — сказала она. — Для экспертизы.

Кирилл кивнул. Он не мог ей отказать.

Она убрала фотографию в прозрачный пакет, который достала из кармана. Оперативники начали осматривать мастерскую — открывали ящики, смотрели на стол, заглядывали в шкафы. Кирилл стоял и смотрел, как они трогают его вещи. Он ничего не говорил. Он знал, что это бесполезно.

Ирина подошла к нему ближе, почти вплотную.

— Я не знаю, причастны вы к этому или нет, — сказала она тихо, чтобы её слова не слышали оперативники. — Но я знаю одно: кто-то заказал вам портрет девушки, которую убили шестнадцать лет назад. Это не совпадение. И я найду того, кто это сделал. А пока вы под подозрением, Кирилл Андреевич. Не покидайте город.

Кирилл смотрел на неё. Он видел в её глазах решимость и усталость. Он знал это чувство — когда ты ищешь правду так долго, что уже не помнишь, зачем ты это делаешь. Она искала убийцу своей родственницы. И она думала, что он — часть этой истории.

Она развернулась и направилась к выходу. Оперативники пошли за ней. Дверь закрылась, и в мастерской стало тихо.

Кирилл стоял посреди комнаты, глядя на пустой стол. Фотографии больше не было. Заказа больше не было. У него остались только деньги в сейфе и рисунок, который он начал делать вчера. Он подошёл к столу, взял в руки лист бумаги с наброском лица. Девушка смотрела на него с листа, и теперь её взгляд казался ему другим — обвиняющим, почти живым.

Он опустил рисунок. Он чувствовал себя пустым.

Он прошёл к двери, закрыл её на замок, задвинул засов. Потом повернулся и оглядел мастерскую. Всё было на своих местах, но что-то изменилось. Он чувствовал это кожей. Ему больше не хотелось работать. Не хотелось рисовать. Не хотелось ничего.

И вдруг он заметил на полу у порога маленький клочок бумаги.

Он наклонился и поднял его. Это была записка, сложенная вчетверо, выпавшая из кармана или из планшета оперативников. Он развернул её. На ней был написан адрес: «улица Пролетарская, дом 14, типография». И внизу, карандашом, размашистым почерком: «Спроси у Тимофеева».

Кирилл замер.

Он посмотрел на дверь, за которой только что скрылась Ирина Соболева. Это могло быть случайностью. Кто-то из полицейских обронил бумажку. Но почему на ней был адрес типографии? И почему — «Спроси у Тимофеева»? Это была подсказка. Или ловушка.

Он перечитал записку несколько раз. Типография на Пролетарской. Он знал эту улицу — она находилась в старом районе, где ещё сохранились дореволюционные здания. Там было много мастерских, складов, небольших предприятий. И одна из них — типография.

Кирилл сжал бумажку в кулаке. Он не знал, что ему делать. Идти в полицию и показать её? Или пойти по адресу и проверить самому? Если он пойдёт в полицию, они могут заподозрить его ещё сильнее. Если он пойдёт сам — он рискует наткнуться на то, что ему не следует знать.

Он подошёл к окну. Дождь усиливался. Улица была пуста, только редкие машины проезжали по лужам. Кирилл смотрел на мокрый асфальт и думал о девушке, которую рисовал. О её шраме. О её глазах, которые смотрели на него с фотографии. О том, как она умерла. О том, кто мог заказать её портрет через шестнадцать лет.

Он снова развернул записку. Адрес. Имя. Тимофеев.

Кирилл знал, что должен идти. Но он не знал, что найдёт там. И боялся, что это может быть правда.

Он спрятал записку в карман и начал собираться.

ГЛАВА 4

Время: 11 сентября 2025 года, 11:30

Место: Киров, улица Пролетарская, дом 14, типография

Кирилл стоял у входа в типографию и смотрел на облупившуюся вывеску. Здание было старым, дореволюционным, с высокими окнами, затянутыми пыльной плёнкой. Фасад когда-то был красным, но краска облупилась, обнажив серый кирпич. Над дверью висела табличка: «Типография № 14. Частное предприятие». Кирилл заметил, что номер совпадал с номером дома. 14. Он вспомнил ключ с выцарапанной цифрой. Потом отогнал эту мысль. Пока рано делать выводы.

Он толкнул дверь. Внутри пахло краской, бумагой и чем-то химическим — резким, сладковатым, почти приторным. Запах ударил в нос, и Кирилл на мгновение задержал дыхание. Он знал этот запах — он был похож на тот, что стоял в морге, когда они работали с формалином. Но здесь он был другим. Более живым.

В помещении было тесно. Повсюду стояли стеллажи с бумагой, пачки листов, коробки с краской. В центре — два больших печатных станка, старых, громоздких, покрытых слоем пыли и типографской краски. С потолка свисали лампы дневного света, которые гудели и мигали, создавая неприятное ощущение.

Из-за станка вышел мужчина. Он был невысоким, коренастым, с седыми волосами, зачёсанными назад. На нём был рабочий халат, весь в пятнах краски — синей, чёрной, красной. Пальцы были такими же — сизыми, с въевшейся типографской краской, которую уже невозможно отмыть. Он был похож на человека, который проработал здесь всю жизнь и не помнил другого запаха.

— Здравствуйте, — сказал Кирилл. — Вы Геннадий Иванович Тимофеев?

Мужчина настороженно посмотрел на него. В его глазах мелькнула тень — он не привык к посетителям, и тем более к незнакомцам.

— Я — Тимофеев, — ответил он с лёгкой хрипотцой. — А вы кто?

— Меня зовут Кирилл Баранов. Я художник. Мне нужно кое-что узнать о старом заказе, который печатали в вашей типографии в 2009 году.

Тимофеев нахмурился. Он посмотрел на Кирилла с подозрением, потом перевёл взгляд на дверь, будто проверяя, не стоит ли за ней кто-то ещё.

— В 2009 году? — переспросил он. — Это было давно. Я не помню всех заказов.

Кирилл достал из кармана фотографию Екатерины Соболевой. Это была копия, которую он успел сделать до того, как полиция забрала оригинал. Он протянул её Тимофееву.

— Вы узнаете это лицо?

Тимофеев взял фото. Он смотрел на него долго, слишком долго. Его пальцы дрогнули. Он побледнел — Кирилл увидел это, даже несмотря на тусклый свет в типографии. Лицо Тимофеева стало серым, почти таким же, как его халат.

— Я знаю это лицо, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Я запомнил её. Шестнадцать лет назад кто-то печатал у нас флаеры с этой девушкой. Объявления о пропаже. Её искали родители, полиция. Мы напечатали несколько сотен штук. Я стоял за станком и смотрел на её фото, пока краска сохла. Она была красивой. Очень красивой.

Он снова посмотрел на фото, провёл пальцем по её лицу, будто хотел коснуться её.

— Я никогда не забывал её лицо, — сказал он. — Такое не забывается.

Кирилл ждал. Он чувствовал, что Тимофеев знает больше, чем говорит.

— У вас есть что-нибудь из тех флаеров? — спросил он. — Образец? Газета?

Тимофеев кивнул, но не сразу. Он как будто колебался, не зная, стоит ли ему показывать это Кириллу. Потом он отошёл к столу в углу, где лежали стопки старых бумаг, и начал перебирать их. Он делал это медленно, с явным усилием — его руки дрожали. Кирилл видел, что Тимофеев нервничает. Он постоянно оглядывался на дверь, будто ждал, что кто-то войдёт.

— Вот, — сказал он наконец, вытаскивая пожелтевший лист из кипы. — Это осталось с того года. Я храню всё. Не знаю зачем. Просто привычка.

Он протянул Кириллу старую газету, сложенную в несколько раз. Она была почти серой от времени, края потёрты, на сгибах — трещины. Кирилл развернул её. Это была местная газета за сентябрь 2009 года. На полосе — крупное объявление о пропаже. Чёрно-белая фотография Екатерины Соболевой. Та же улыбка, те же тёмные глаза. Но фото было размытым, нечётким, словно его напечатали с плохого негатива.

Кирилл пригляделся. Что-то в этом объявлении было не так. Он поднёс газету ближе к глазам, стараясь разглядеть детали. И вдруг заметил в левом углу фотографии, почти у самого края, едва заметную надпись, нанесённую мелким шрифтом, почти невидимую на чёрно-белом фоне. Он увеличил изображение в уме, вспоминая его детали. И прочитал: «ИДЕАЛЬНОЕ ЛИЦО».

Он перечитал ещё раз. Идеальное лицо. Те же слова, что были на обороте его заказа.

Он поднял взгляд на Тимофеева.

— Кто печатал эти флаеры? — спросил он прямо.

Тимофеев замялся. Он снова посмотрел на дверь, потом на окно, за которым шёл дождь. Его лицо побелело ещё сильнее.

— Я не помню, — сказал он, но голос его дрогнул. — Это было давно. Заказы приходили, мы печатали, я не запоминал всех лиц.

— Вы запомнили её лицо, — сказал Кирилл. — И вы помните того, кто принёс этот заказ. Кто это был?

Тимофеев молчал. Он смотрел на свои руки, на сизые пальцы, на краску, которая въелась в кожу. Он словно искал в них ответ, но не находил.

— Я не знаю, кто он был, — сказал он наконец. — Но он был здесь. Недавно. Высокий, худой, в тёмном пальто. Он приходил и спрашивал про старые заказы. Он сказал, что ищет кого-то. Что ему нужно найти ту девушку. Я испугался.

— Когда он приходил? — спросил Кирилл.

— Неделию назад, — ответил Тимофеев. — Он знал про флаеры. Он сказал, что слышал, будто мы их печатали. Я не хотел говорить ему, но он... он смотрел на меня так, будто знал, что я знаю правду. Я испугался и сказал, что ничего не помню. Он ушёл. Но я знаю, что он вернётся.

Кирилл смотрел на Тимофеева и чувствовал, как в груди нарастает холод. Человек в тёмном пальто. Тот же, кого он видел у своего окна. Тот, кто заказал ему портрет Екатерины Соболевой.

— Он убил её? — спросил Кирилл прямо.

Тимофеев не ответил. Он смотрел в сторону, на станки, на стопки бумаги, на пыльные полки. Потом медленно кивнул.

— Я знаю, что он убил её, — сказал он шёпотом. — Не знаю откуда, но я знаю. Шестнадцать лет назад я стоял здесь, у станка, и печатал флаеры. И потом я думал — зачем? Зачем тому, кто знает, где она, печатать объявления о её пропаже? Он хотел, чтобы её искали. Чтобы все думали, что она просто пропала. А он знал, где она.

Тимофеев схватил Кирилла за рукав, сжал его с неожиданной силой. Его пальцы — сизые, в краске — дрожали.

— Уходите, — сказал он. — Уходите прямо сейчас. Он знает, что вы здесь. Он вернулся. Он снова ищет. Вы не должны быть здесь.

Кирилл хотел спросить ещё о чём-то, но Тимофеев оттолкнул его, почти вытолкнул из-за стола.

— Идите! — крикнул он шёпотом. — Идите, пока он не пришёл!

Кирилл развернулся. Он направился к выходу, но остановился на полпути.

За дверью слышались шаги.

Тяжёлые, медленные, уверенные. Они приближались. Кто-то шёл по коридору, шаг за шагом, ближе и ближе. Кирилл замер. Он смотрел на дверь, и сердце его билось ровно, холодно, как в те дни, когда он смотрел на тела на столе в морге.

— Он здесь, — прошептал Тимофеев. — Он пришёл за вами.

Кирилл не двигался. Он смотрел на дверную ручку, которая начала медленно поворачиваться. Снаружи кто-то был. Кто-то, кто знал, что он здесь.

Он отступил на шаг, готовясь к тому, что дверь откроется. В его голове пронеслись варианты — бежать, прятаться, нападать. Но он остался стоять, глядя на дверь.

Она не открылась.

Шаги затихли. Кто-то постоял за дверью несколько секунд, а потом развернулся и ушёл. Шаги удалялись, становились тише, пока не растворились в шуме дождя.

Кирилл выдохнул. Он чувствовал, как его руки дрожат, но он держал их в карманах.

Тимофеев смотрел на него с ужасом.

— Уходите, — сказал он снова. — Он ушёл, но он знает, что вы были здесь. Он вернётся. Вы не должны быть здесь.

Кирилл кивнул. Он повернулся и вышел из типографии. Дождь хлестал по лицу, холодный, резкий, как сотни игл. Он стоял на улице и смотрел на дверь, за которой только что слышал шаги.

Он не знал, кто это был. Но он знал, что Тимофеев прав. Он пришёл за ним.

Он сел в машину и завёл двигатель, но не поехал. Он смотрел на здание типографии и думал о том, что только что узнал. О флаерах. О надписи «ИДЕАЛЬНОЕ ЛИЦО». О человеке в тёмном пальто.

Он знал, что это только начало.

ГЛАВА 5

Врем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.